

БУДЕМ ВЗЫСКАТЕЛЬНЫ К СВОЕМУ ТВОРЧЕСТВУ

♦
ДМ. ШОСТАКОВИЧ
Народный артист СССР
♦

Великое благо советского художника в том, что творчество для него неотделимо от общих больших целей человеческой культуры, что он чувствует себя кровно связанным с жизнью и судьбами своего народа и только большой мерой общенародных интересов поверяет свои творческие шаги. Я считаю это огромным благом, огромным преимуществом для художника, так как это спасает его от бесплодных блужданий и самообольщений индивидуализма, от уклонения на боковые дорожки искусства, ведущие к декадансу, пустозвонству, ремесленничеству.

Путь советской музыки не был гладким и легким. Много наивного, умозрительно-отвлеченного, надуманного было в некоторых ранних опытах воплощения в музыке нашей современности. Много было иллюзорных находок, опрометчивых решений, творческих «косечек» и в последующие, более зрелые годы советского музыкального творчества. Но воспитанное в нас всем духом советской культуры чувство ответственности перед народом всегда было и остается нашим верным компасом, и этот компас в конечном счете направлял нас к нужным целям.

Ко Второму съезду советских композиторов мы приходим не с пустыми руками. В нашем активе есть имена и произведения, которыми мы можем по праву гордиться. У нас есть ценнейший коллективный опыт всей советской многонациональной композиторской среды — опыт многолетней борьбы за музыкальное искусство больших помыслов, больших этических идей, большой правды, за искусство, развивающееся под знаменем социалистического реализма. Этот опыт приобретает исключительное значение не только для нашей музыки, но и для музыкантов всего мира.

От предстоящего съезда мы ждем многого. Хотелось бы, чтобы он по заслугам оценил исторические достижения советской музыки и вместе с тем дал мощный толчок к ее дальнейшему развитию и расцвету. Последнее в значительной мере зависит от нашей самокритичности и взыскательности, чему учит нас партия. Необходимо, чтобы на съезде прозвучали слова правды о тех недостатках, которых накопилось у нас изрядное количество.

В этих заметках я хочу остановиться главным образом на одном волнующем меня вопросе: о нашей творческой дискуссии. Много и часто говорится о том, что столь необходимая нам дискуссия по творческим вопросам развивается вяло, и если мы иногда и спорим по важнейшим вопросам современной музыки, то, как правило, в кулуарах. Что же мешает широкому развитию творческой дискуссии? Чаше всего — примитивное толкование выдвигаемых жизнью вопросов как некой «кампании», стремление поспешно подвести итог, предложить окончательную формулировку, превращаемую затем в догму и замораживающую спор в самом начале его развития.

Особенно губительно для дискуссии, когда на обсуждаемое явление с легкомысленной поспешностью наклеиваются такие

ярлыки, которые равносильны объявлению: «недискуссионно», «обсуждению не подлежит».

Значит ли это, что мы должны искусственно смягчать критику отрицательных явлений творчества, обходить острые углы, не называть вещи своими именами? Отнюдь нет! Только критика последовательная, беспощадно правдивая, договаривающая до конца, может быть действенной и авторитетной. Но именно потому, что слова критики должны быть только словом чистой правды, нужно с огромной ответственностью и совестиливостью подходить к решению сложных вопросов.

Всякое открытие нового в искусстве сопряжено с некоторым экспериментом, и чем шире, смелее, индивидуальнее замысел художника, тем эта экспериментальность более явственна, тем более «рискует» художник. Наряду с преодолением возникающих трудностей у художника бывают и частичные неудачи, и неудачи, кажущиеся таковыми только на первый взгляд. Но все это не страшно, если общая идейно-эстетическая направленность художника верна, если она устремлена к правде жизни.

Однако некоторым любителям скороспелых догматических формул нет дела до сложности, многосторонности обсуждаемых явлений. Даже самое намерение разобраться в сложном явлении по существу порой кажется им подозрительным, илудим «от лукавого». Так возникают плоские, примитивные определения, преподносимые иногда почему-то от имени марксистско-ленинской эстетики, а на самом деле дискредитирующие диалектически-гибкий и тонкий метод марксистско-ленинского анализа искусства. Такие определения затрудняют усвоение художественного опыта мастеров музыки. Достаточно напомнить о том, как медленно идет у нас осмысление музыкально-театральных исканий С. Прокофьева. А ведь эти искания находятся в центре проблем современного оперного искусства.

Принципиальность и взыскательность должны непременно сочетаться в наших дискуссиях с терпимостью и терпеливой внимательностью по отношению к сложным явлениям творчества. Дискуссия — это тоже творчество. У нас должна развиваться и процветать многообразная по своим путям мысль о музыке, и в этой области необходимо смелое новаторство. Школьное повторение общезвестных положений ни на шаг не продвинет нас в решении насущных вопросов современной музыки. Нам необходимо последовательно распутывать сложный клубок противоречий музыки XX века, нужно глубже, без заранее заданных схем, разобраться и в сложных процессах развития музыки в СССР.

Только при этих условиях мы научимся конкретно ставить и обсуждать назревшие вопросы творчества. Я имею в виду, например, вопрос о музыкально-стилистическом новаторстве и, в частности, о том,

какие изменения и находки мы вправе считать прогрессивными, обогащающими сокровищницу классического наследия. Я лично убежден в том, что такие находки существуют, надо только суметь их осознать, отделить от негативных сторон, представить себе их плодотворность в условиях реалистического искусства. Надо иметь в виду и такой сложный вопрос, как доступность и народность музыки, нередко получающий у нас упрощенное толкование, а также вопрос о путях развития национальных музыкальных культур СССР и многие другие.

Для изучения всех этих проблем нам нужна работа пытливого мысли и совершенно необходима атмосфера дружеского спора, где исключаются методы демагогии, опорочивания одной из спорящих сторон.

Очень важно было бы глубже разобраться в причинах отставания нашего оперного искусства. Мне лично кажется, что современная опера (так же как и драма) должна быть более лаконичной, остро театральной, более меткой в своих характеристиках и главное — более динамичной. Ей нужно кое-чему поучиться у драматургии кино и, быть может, у инструментальной музыки.

В опере нужно смелее экспериментировать и добиться такого положения, чтобы не только оперы-«киты», но и скромные, экспериментальные опыты видели свет на сцене. Мне кажется, давно пора наряду с нашей академической оперно-балетной сценой создать экспериментальный оперный театр. Он-то и явился бы главным центром нашей оперной дискуссии. И от него освежающая струя скоро проникла бы и в наш академический оперно-балетный репертуар.

Много спорных вопросов накопилось у нас и в области песенного творчества. Общеизвестно, что в этом жанре советская музыка достигла больших успехов. Через песню наши композиторы шире всего общаются с народом, и в этом исключительная действительность, пропагандистская сила и эстетическо-воспитательная роль песни. Это накладывает на создателей песни особенно большую ответственность. Стремясь охватить песней возможно более широкий круг слушателей, композиторы не всегда умеют удержаться от погони за дешевой популярностью, нередко приносятся эстетический вкус, художественная требовательность. В этих случаях песня опускается до самого невзыскательного вкуса. Между тем опыт советской музыки неоднократно доказывал, что, будучи популярной, песня может при этом оставаться художественно полноценной, воспитывающей и формирующей эстетический вкус слушателя.

Мы ждем от съезда композиторов еще более тесного сплочения всех наших музыкальных творческих сил. Новое правление Союза должно создать в нашей организации такую обстановку, которая способствовала бы широчайшему развитию творческих индивидуальных, развитию смелых поисков, свободных и горячих споров, главный смысл и конечная цель которых — расцвет музыкального искусства нашей Родины.